

18+

М. А. Зуев
А. В. Майоров

ПОЛУОСТРОВ

или

БИОСТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

М. А. Зуев

**Полуостров. Или
Биостанционный смотритель**

«Издательские решения»

М. А. Зуев

Полуостров. Или Биостанционный смотритель / М. А. Зуев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628431-9

События, описываемые в повести, происходят в начале XXI века на биостанции на берегу холодного моря. Главный герой, эрудированная и рефлексирующая личность, ведёт непростую борьбу за существование. За девять дней осени он ищет, находит и теряет свою любовь. Проблемы, с которыми он сталкивается, близки и понятны молодым людям. Трагическая развязка повествования заставляет задуматься над основными вопросами человеческого бытия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-628431-9

© М. А. Зуев
© Издательские решения

Содержание

ПОЛУОСТРОВ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Полуостров Или Биостанционный смотритель

**М. А. Зуев
А. В. Майоров**

© М. А. Зуев, 2024

© А. В. Майоров, 2024

ISBN 978-5-0062-8431-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зуев М. А., Майоров А. В.

ПОЛУОСТРОВ

ИЛИ

БИОСТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

(Производственная повесть о далеко не первой любви)

У самурая нет цели. Только Путь.

Путь самурая – жить так, словно он уже мертв.

Миямото Мусаси

Предупреждение

Биологическая станция, описанная в повести, не имеет никакого отношения ни к одной биостанции на территории Российской Федерации. Все названия, имена, фамилии, прозвища, должности, люди, события и воспоминания, упоминаемые в тексте, – лишь плод воображения авторов. Все совпадения с реальностью случайны.

1. Воскресенье

Летом 2002 года я плотно общался с очень милой сменой девушек из столовой. Три из них были аспирантками – отличницами с биофака, весьма ко мне расположенными. А четвертая была приبلудная, с не известной мне кафедры. Глаза у неё были большие, изумрудные, как бы немного удивлённые, носик чуть курносый, волосы соломенные, с платиновым отливом. Белоснежная, с просвечивающими венами кожа. Блуждающая улыбка на тонких губах с выразительным изгибом. В общем, юная Катрин Денёв отечественного разлива, безо всяких там шербурских зонтиков. Звали её, кстати, тоже Катя,

Выражение лица у неё было, как у начинающей порноактрисы – инженеру, когда она снимается уже не в первом дубле, но все ещё неумело изображает смущение и намёк на тайную похоть женщины, не вошедшей до конца во вкус плотских отношений. Партнёр по сцене старается быть понежнее, и не ясно, то ли ей больно, то ли безумно хорошо. То ли она его едва терпит, то ли он ей нравится, но стесняется это показать.

Она часто покусывала губы, облизывала белые зубки, а её узкие ладошки все время двигались. То ладонь левой мяла правую, то правая накрывала левую. А в паузах между ломанием рук её длинные тонкие пальцы часто выстукивали дробь, словно азбуку Морзе. Немудрено, что коллеги прозвали её Радистка Кэт.

Катя оказалась не готова к обстановке середины XIX века на биостанции без горячей воды и электричества. Она не была, как говорят биологи, «полевой». Её мучили сквозняки, мешали спать комары, вода вызывала изжогу, обувь натирала ноги. Ужасали наши деревенские сортиры, потому что там пачкались подошвы длинных платьев, которых она привезла целый чемодан. Она жаловалась, что вынуждена ходить в одних и тех же джинсах, которые ей совершенно не идут, и которые она привезла, чтобы надеть в последний раз в поезде, а потом выбросить.

Стирали тогда на биостанции руками. Выполоскать стиральный порошок из белья можно было только в холодной морской воде. А потом надо было выполаскивать из белья уже эту морскую воду пресной. От этого трескалась кожа на руках и ломались ногти. Вдобавок начальница второй столовской смены стала к ней придирается и наезжать. Свара между поварёшками стала хронической, Катя страдала и постоянно ходила с заплаканными глазами. Можно было только гадать, в какой оранжерее и с какой целью вырастили такую орхидею.

У меня когда-то был друг, большой ценитель и знаток слабого пола, имевший все шансы стать профессионалом, если бы за это не сажали. Достаточно сказать, что его любимой поговоркой была сентенция, приписываемая то ли Юкио Мисиме, то ли Мураками, то ли еще какому-то знаменитому японцу: «Даже если презерватив понадобится раз в жизни, носить с собой его нужно каждый день».

Так вот, он бы назвал эту принцессу на горошине «проблемной девушкой, с которой лучше не связываться». Да и я бы не взялся. Но мужская половина биостанции не обладала опытом и интуицией моего друга-знатока, поэтому возжаждала связаться.

Первыми жертвами начинающей «femme fatale» пали работяги из окрестных деревень. Это у столичных мужчин есть хоть какая-то прививка, всё-таки в московском метро симпатяшек можно найти почти в каждом вагоне. А местные, сидящие на голодном информационном пайке трех федеральных телеканалов, были совершенно безоружны перед страшной силой утонченной женской красоты. Их всю жизнь окружали простоватые селянки. По-своему, по-колхозному привлекательные. Таких многократно прославили в своих картинах советские художники, воспевавшие героиню трудовых будней. Однако Катя на их фоне смотрелась, как лебедь белая среди серых утиц.

Надо сказать, что здесь всегда существовало неписаное правило: студентки никак не контактировали с местными работягами. А мы, как правило, не подкатывали к местным женщинам. Дело не в снобизме и не в том, что кто-то кого-то не достоин. Просто мы из разных эпох. У них здесь XIX век, а у нас XXI. Для них Америка недостижима, а мы можем долететь туда за полдня. У нас загранпаспорта. А у них даже обычный, бывает, хранится по старинке в сельсовете. Мы считаем легкомысленным вступать в брак, не пожив вместе год или два. Они считают легкомысленным и порочным жить вместе вне брака. А вот на добрачную жизнь взгляд у них другой, правда, какой точно, сформулировать не возьмусь.

Нарушение этих неписаных правил приводило к конфликтам, что я испытал на себе. Как-то вечером я пробежал голышом из бани по пирсу мимо лавки, где сидели три местные девушки. Сиганул в ледяную воду, забрался обратно. Наличие девушек у мужской бани можно было трактовать однозначно – хотят познакомиться. Мы поболтали, я представился, узнал их имена и вернулся в парилку.

На следующий день оказалось, что этот разговор местные расценили как оскорбление. Сперва я не понял, почему. Если девушки заподозрили меня в попытке соращения, то это не вязалось с их интересом к пробегающим голым мужикам. Прозрение пришло позже, когда кто-то из местных пустил слух, что женщины мне неинтересны. Чтобы разобраться, пришлось драться с трактористом, отстаивавшим честь своей младшей сестры. Я всё никак не мог понять, чего он от меня хочет. Чем больше я объяснял ему, как неинтересна мне его младшая сестра, тем больше он свирепел. Поостыв после недолгого обмена неточными ударами, он потребовал, чтобы я вечером навестил его сестру, извинился и выказал своё уважение. Я навестил, извинился и выказал. После этого мы с ним даже подружились. Хотя, казалось бы, он должен был мстить после моего визита к сестре, а не до.

Причиной недоразумения оказалась ледяная вода. Когда я из неё выбрался, мой шалун скукожился и оставался таковым, пока я с ними болтал. Как только я ощутил прилив крови, быстренько ретировался в баню. Без купания я бы не рискнул задерживаться рядом с ними голышом. Я боялся оскорбить их своей физиологической реакцией, а оскорбил её отсутствием.

Так вот, Катина харизма очень повлияла на местных и они при любом случае норовили тоже выказать ей своё уважение. Вокруг общежития, прозванного «Вороньей слободкой», где жили столовские, ноосфера сгустилась и собиралась вскипеть, как писал классик, на высокий градус. Рядом с общагой глохли трактора. Рассыпались ящики с инструментами. Вываливались из грузовиков дрова и доски, опрокидывались бочки с маслом и краской. Там тянули кабели и раскапывали водопровод. Пустырь, куда выходили окна комнат общаги, стал очень оживлен-

ным. Мало того, в бухте напротив обнаружилась мель, на которую принялись садиться в отлив станционные корабли. А она, хоть и выглядела, как порноактриса, была обычной студенткой, и, не понимая, чего от неё хотят «эти рабочие», в ужасе поджимала губы и округляла глаза.

Между тем страсти накалялись. Местные были людьми чести, а, как известно, люди, потерявшие страх, но сохранившие честь, самые опасные. Вот они и стали ссориться из-за того, чьё уважение более достойно быть показанным Кате. Доказывая силу своего уважения, электрик подрался с дизелистом, а капитан самого маленького катера, который никак не мог сесть на мель, с горя запил. Через неделю после появления Кати не осталось годных к использованию кораблей, намертво встал бульдозер, стукнул и заглох единственный электрогенератор, потому что дизелист и электрик подрались и не разговаривали, отказываясь вместе работать. Из лабораторий слили весь спирт, что привело к драматическому росту числа пьяных. Драма под названием «Красавица и чудовища» достигла кульминации. Зрители со страхом ждали катарсиса.

От краха биостанцию спасли жёны местных. Сперва они не понимали, что происходит, ибо жили на своей половине посёлка и на студенческую часть заходили редко. Наконец одна из них, расталкивая уснувшего под крыльцом общежития плотника, увидела на высоком крыльчке Катю в развевающейся на ветру юбке с сигареткой в тонких пальчиках. Катя как раз состроила свою фирменную гримаску одновременных боли и блаженства. Местная оценила масштаб бедствия, отхлестала плотника по щекам и с трудом увела.

Следующие три дня к «Вороньей слободке» началось паломничество местных дам. Оказалось, что трактор измывал все цветы на газонах, вываливающиеся дрова и стройматериалы отбили краску с урн и пожарных бочек, завалинка прогнила, повсюду мусор, на дороге грязь. Всё это надо красить, пропалывать, засаживать цветами. Кладовщица полдня собирала просыпанные у крыльца саморезы, внимательно отслеживая график катиных перемещений. Постепенно женщины сокращали дистанцию. Вскоре они уже заговаривали с Катей и стреляли сигареты. Потом поднялись к ней на крыльцо, чтобы вместе покурить.

Мы же испугались, что селянки её отравят. Или подкараулят в туалете, запрут и опрокинут кабинку. Или заманят в тайгу и утопят в болоте. Все были в панике. Дошло до того, что начальник практики на планерке предложил под благовидным предлогом отослать принцессу в Москву. Однако, когда кладовщица об этом услышала, она, к всеобщему удивлению, возмутилась: «Хотите нас без мужиков оставить?» Начальник ничего не понял и попытался снова объяснить, что он-то хочет, чтобы все мужики остались при селянках, поэтому предлагает эвакуировать Катю. Кладовщица искоса уставилась на него и забормотала: «Эякулировать, эякулировать. Кобели...» Начальник практики покраснел, а директор захохотал.

В итоге никто Катю не отравил. Женщины предложили ей ушить платья, чтобы те стали практичней для нужника, после чего самые откровенные платья исчезли, но появились похожие на платья шаровары. Селянки стали помогать ей стирать джинсы, чтобы та могла ходить в них чаще, потом потребовали запретить проезд транспорта мимо общаги, чтобы выхлопные газы не мешали столовским спать. И вообще сократить до минимума всю хозяйственную деятельность в радиусе ста метров.

А по вечерам женщины в платьях, похожих на её, стали прогуливаться со своими мужьями под руку вдоль берега и обратно, проходя и останавливаясь под крыльцом, на котором Катя курила свои длинные сигареты. Они здоровались с ней, давали мужьям полюбоваться и уводили домой. При этом на лицах селянок блуждало любовно скопированное то самое знаменитое выражение смущения порноактрисы.

Наконец принцесса уехала вместе со всеми и инцидент был исчерпан. Надеюсь, пребывание среди простого народа не прошло для неё бесследно. В следующем году я поинтересовался у общих знакомых, как у неё дела, и получил ответ: «У Кати все сложно». Кто бы сомневался.

Я вспоминал эту давнюю историю, сидя на старой скамейке у деревянного пирса биостанции. Темную зелень елей и сосен на окрестных холмах уже сильно разбавили охра и багрянец берез, осин и клёнов. На небе – ни облачка, полный штиль. Осеннее солнце бессильно отражается в зеркальной глади моря. С прибрежных скал можно писать романтические пейзажи хоть маслом по холсту, хоть акварелью по бумаге, хоть цветной тушью по шёлку. Тут, среди диких лесов и болот, на биологической станции, сокращенно БС, в начале осени затеяли международную биологическую школу вместе с научной конференцией. Теплоход с её участниками как раз швартовался к причалу.

На БС я занимался в том числе техническим обеспечением работы этой самой конференции – администрировал сеть, налаживал компы, ставил программы. Вы наверняка встречали подобных ребят на работе. И сидел тут не из праздного любопытства, а надеясь пообщаться с иностранцами, конкретно с французами. Со школы учил их язык и страдал от нехватки практики. При этом не особо переживал за своё произношение, ибо вообще не представлял себе, что такое общение с носителем языка.

Наконец спустили трап, и пассажиры повалили на берег. Встречающие выискивали знакомых, замелькали рукопожатия, объятия. Вот сошла одетая в кожу и меха дама лет за сорок. Её сопровождали лысый толстячок, кативший объемистый чемодан, и очкастая темноволосая девушка в синей куртке с большой сумкой. Им навстречу вышел, широко улыбаясь, сам директор вместе с главным инженером. Оживленно переговариваясь, они направились к Главному корпусу.

Пока народ шёл мимо, я прислушивался. Прошагала группа опрятно и модно одетых французов с яркими рюкзаками и чемоданами на колесах. Они болтали, улыбались и казались сошедшими с рекламного ролика. Последними шли две девушки и парень, наверное, приятели.

Молодой человек, похожий на известного персонажа Михаила Боярского (неужели и он из Гаскони?), курил сигариллу. Одна девушка была русоволосой и голубоглазой, похожей на Жанну д'Арк со средневековых миниатюр. Другая – вылитая актриса Сара Бернар в молодости, только черты лица поглубже. Носик без горбинки, щёки пухлее, чёрные выющиеся волосы, овальное лицо, большие глаза, красиво очерченные губы, от которых у меня похолодело в груди. Я тут же решил во что бы то ни стало с нею познакомиться, надеясь, это будет несложно. И долго глядел вслед, благодаря Провидение за похвальное постоянство, с которым оно посылает в наше захолустье молодых красоток.

А вечером, сидя в своем домике у окна за кружкой чая, таращился на загадочно темнеющее сквозь сосны и голые кусты море. Сентябрь. Полшестого, уже смеркается. Похоже на дачу в далёком детстве. Последние дни августа, портится погода. Близится чёртова школа, долгие девять месяцев чёртовой школы. Ужин, темно, свет от люстры отражается в окне, и не видно, что там, на улице. Кажется, что опускаешься в батискафе на дно к морским гадам и вот-вот прильнет из темноты к стеклу страшная зубастая морда.

Я закрыл глаза и неожиданно увидел всё сверху. Огоньки окон в море мрака, звезды среди редких туч цвета маренго, чёрная стена леса на острове за проливом. Тени, неслышно мелькающие среди деревьев. Услышал тихий плеск прибоя, шёпот облетающей листвы, скрипы и шорохи леса. Открыл глаза. Видение исчезло, но неясная тревога осталась. «Всё вроде хорошо, да что-то нехорошо», – как писал классик.

2.Понедельник

В понедельник утром по пути в серверную в недавно отремонтированном Главном корпусе, где должны были проходить мероприятия конференции, увидел уже знакомую троицу.

– Здравствуйте, – преодолевая робость, поздоровался с ними на французском, – рад вас видеть!

От усердия даже немного взволновался. Гасконец улыбнулся и кивнул. Похожая на Жанну д'Арк отступила на шаг и ответила с лёгким немецким акцентом, что тоже рада, а Сара сощурила глаза, ослабилась и тоже поздоровалась, поинтересовавшись, кто я такой. Она говорила на нарочито простом, как я позже понял, французском. Я представился и спустя пять минут уже узнал, как их зовут, откуда они, какое у них расписание, где уже побывали.

Как только показалось, что беседа перестает быть непринуждённой, я поблагодарил, и мы разошлись по своим делам. Только они скрылись из виду, как понял, что не запомнил имён девушек, только Гасконца. У меня это обычная беда. Парня звали Пьер. Подумав, решил, что девушку, похожую на Жанну д'Арк, буду называть для себя Жанной. Ну а с Сарой я определился уже вчера.

Из легкой задумчивости вывел проходивший мимо директор, который сообщил, что скоро начинается ремонт в «Теремке», домике-музее (как звучит!) строительных отрядов. Внутри его стены были увешаны экспонатами – досками с фамилиями их участников. Имелись там также всякие шутки-прибаутки и даже резьба, живопись и миниатюры. Не было, пожалуй, только инкрустаций и укебори.

– Сейчас там никто не живет, «Теремок» ветшает, того и гляди сгорит. Думаем его отремонтировать и переделать под гостиницу. Доскам там не будет места. Пока их отнесли в сарай у дома самого Великого директора. Но там они могут запросто сгнить. Ты, как заинтересованное лицо, что скажешь? Может их отсканировать да выложить в Сеть?

– Там же десятки досок, многие в человеческий рост, в сканер не влезут.

– А если их на склад, под замок?

– Растащат или пустят на стройку, – удивился я его неожиданной наивности, – Местным на нашу память плевать, они и свою не берегут. А ведь эти доски для многих как святыни.

Тут меня осенило:

– Может их здесь и повесить? Места полно: три этажа, пустые стены, прекрасное освещение. Ходи, любуйся.

– Ты уверен, что это хорошая идея? Стройотрядовский юмор может быть не доступен посторонним. Да и конференции может помешать, – засомневался директор.

– Нормально, это ведь памятник эпохи. Здесь, по-моему, лишь на втором этаже участники собираются. А в актовом зале только сегодня открытие и в пятницу закрытие. Я программу смотрел. Остальное время будут в Лабораторном корпусе и Аквариалке, там и школа тоже проходит.

– Верно, сам расписание составлял. Ладно, сегодня же скажу плотнику, пусть займется, – директор испытующе посмотрел на меня.

– Он не справится, старый и поддаёт. А то и доски расколет. Что ему?

– Кому же поручить? Вся молодежь конференцию обслуживает.

– Я могу, – неожиданно вырвалось у меня, – Только уже задействован.

– Ничего, ничего. Из Москвы как раз вчера толковый парень прибыл, Никита. Я его к тебе пришлю, временно передашь свое хозяйство. Подменит, пока будешь вешать, – поспешно согласился директор, – Стены здесь бетонные, возьмешь со склада мощную дрель с перфоратором, самые твёрдые и толстые сверла и все, что понадобится. Если что, ссылайся на меня. Доски надо приделать на века, но аккуратно. За неделю справишься – премию выпишу.

Он похлопал меня по плечу и бодро отправился в актовый зал. Я же наконец шмыгнул в серверную, недоумевая, как это меня угораздило по собственной инициативе подписаться на неделю грязной работы вместо комфортного общения с французской красавицей. А ведь директор наверняка все заранее продумал, я сам повелся.

Через час я рассказывал Никите, высокому кучерявому очкарику, тонкости работы с порядком изношенными сервером и компами, про капризы проекторов и многом другом. Он действительно все схватывал на лету. Аспирантов на биофаке зря не держат. Надеюсь, он

мне ничего важного не сломает и данных не сотрет. Наконец я оставил его осваиваться, а сам отправился на БАМ.

Но я не поехал на Дальний Восток. БАМом называлась свалка старой техники, что привольно раскинулась за гаражом и ангарами хоздвора. Вывозить её и сдавать на металлолом было слишком накладно. Нагромождения проржавевших кабин КРАЗов и гусеничных тракторов, покореженные рамы и станины, пучки кривой арматуры, перекрученные трубы создавали лабиринт, за каждым поворотом которого картинка реальности менялась, как в калейдоскопе. Всю её охватить взглядом можно было, лишь поднявшись на ближайший холм.

Только непосвященные приходили сюда, чтобы тупо что-нибудь отвинтить или оторвать. Для людей же, исполненных жизненного опыта, много переживших, она служила местом размышлений и силы. Почти сакральным, подобно садам камней при японских храмах. Здесь полагалось неспешно бродить, смиренно озирая следы времени на изношенных механизмах, думать о глубинных проблемах бытия, о тщетности человеческих усилий и об эволюции технической мысли. Дух таким образом успокаивался, гармонизировался, а потом нередко приходило озарение.

Когда возникала нестандартная техническая или психологическая проблема, знающие люди шли сюда. В итоге после нескольких часов медитации и духовных поисков решение находилось. В самых простых случаях находилась нужная деталь. Иногда являлось решение проблемы в целом. Поэтому лишь рядовые работники ходили на БАМ за недостающим винтиком или деталью. Крупные ученые и начальники искали здесь идей и прозрений.

Я побродил по БАМу с полчаса, посидел на источенной дождями здоровенной крышке от ЗИЛа, озирая панораму, достойную игры «Сталкер», отрезал в запас жгут проводов, исполнился силы и окончательно понял, как реализовать директорскую задумку. А потому решительно направил свои стопы на склад.

Понедельник для местных на биостанции – выходной. Считается, что в этот день они добираются из окрестных деревень в Голконду, откуда их везут сюда кораблём на работу. Однако некоторые по понедельникам работают, так как в пятницу с утра уезжают, в том числе кладовщица. На складе за час до закрытия я нашел самую тяжёлую дрель со здоровенными свёрлами, шуруповёрт, дюбеля и принялся оформлять получение у старой знакомой Зины, приземистой блондинки средних лет в синем халате с грубыми чертами широкого лица без грамма косметики.

– Зочем токая мощная, Слонок? – поинтересовалась она, сильно окая.

– Доски стройотрядов вешать буду, – важно объяснил я.

– И где жо?

– В Главном корпусе.

– Смотри не нодорвись, – пошутила она и потрогала за предплечье, – Ты токой хилый.

Я только рассмеялся.

– Тебе ещо что нужно?

– Шурупы подлинней и стремянка повыше. А ещѐ брус сороковка, метров двадцать.

– Стремянку вроде вчера где-то видела, брус у плотника, а шурупы завтра в конторке подберешь.

Потом подошла вплотную, уставилась мне в лицо бледно-голубыми глазами и тихо сказала:

– Совсем ты меня забыл. Приходи сегодня после десяти.

Я улыбнулся и кивнул:

– Постараюсь.

А сам побежал искать плотника. Кладовщица посмотрела мне вслед, вздохнула и принялась перебирать бумаги на столе.

Плотника я поймал на лавочке у конторки. Он попенял, что я зря потрачу древесину, объяснил, что брусков нужных мне размеров нет.

– Это приказ директора, – напомнил я. – Давай в столярке посмотрим.

Там он встал с растерянным видом, но я сразу зашагал к стеллажам. Ему пришлось присоединиться.

– Так вот этот брусок! – радостно указал я на полку.

– Да, действительно, – деланно удивился он, – Сколько тебе?

Я вытащил из кармана ручку, блокнот и задумался. Это был мой далеко не первый рабочий сезон здесь и с тихим саботажем местных работяг был знаком. Они не любят суеты, лишней работы, растраты материалов. Их можно понять. Вот изведут все бруски или рейки или шурупы, а потом понадобится что-то сделать и придётся заказывать, а это лишняя писанина. В распутицу или когда не ходят катера можно ждать заказанного долго. Как понимаю, идеалом работы для плотника было, сидя на твердом окладе и лавочке, курить и философски наблюдать за суетливым мельтешением приезжих людишек вокруг. Эти настроения хорошо выразило народное хокку:

Начальник!

Лучше каши недоложь,

Только понапрасну не тревожь.

Но, как говорится, трудно найти работу мечты, если твоя мечта – не работать.

В итоге я указал на листке сечение брусков в полтора раза больше. К их требуемой длине прибавил метр. Число брусков указал больше на треть. По моим расчетам они должны были понадобиться через три – четыре дня, поэтому указал срок двое суток. Для солидности и на память я сделал копию. Один листок вручил плотнику, а другой отправил в карман со словами: «Для директора».

Слово «директор» было тут магическим, чем я умело пользовался. Лучше всего это работало, когда его не было, потому что, кроме слова «директор», существовал ещё и сам директор, который был сильнее слова «директор». Поэтому в его присутствии местные не стеснялись подойти уточнить, правду ли им говорят.

Вечером я искупался в укромном месте, затем наконец добрался до своей старой избушки с амбарным засовом, большим висячим замком и суровыми табличками «Служебное помещение», «Посторонним вход воспрещен», «Ответственный за противопожарную безопасность Х.Ф.Кусачих, т.38-17-21» на двери. Домик стоял на отшибе, и я тут жил один – редкая привилегия, полученная посредством многолетнего скудно оплачиваемого труда и сети полезных знакомств. Привел себя в порядок, переоделся, принял на грудь сто грамм разведенного спирта и в двадцать два десять уже скребся под знакомым окном на первом этаже многоквартирного дома, где жили местные работники. Ночка обещала быть томной.

3. Вторник

На следующее утро я навестил сарай у дома Самого Великого директора. Вытащил из кучи досок те, где было больше всего фамилий. В две ходки перенёс штук пятнадцать в Главный корпус, чтобы прикинуть, как лучше закрепить их в коридоре. Меня всегда удивляло, что почти любая работа по большей части состоит из перетаскивания тяжестей вручную, что заметил уже лет двадцать тому назад. С тех пор ничего не изменилось. Говорят, с пятого века до нашей эры человечество стало жить в осевом времени. Не знаю. Мне кажется, мы до сих пор живем в циклическом. Деньги выделили – живем получше, деньги сперли – живем похуже. Прогрессом и не пахнет. Ноутбуки и смартфоны слабо повлияли на ситуацию.

Пока готовил фронт работ, вспоминал, чем занимался в стройке в середине 90-х. Командир Костя перебрасывал меня, как и остальных членов отряда, с одной работы на другую каждые три-пять дней.

Первое задание, которое я получил, была чистка днища корабля «Учёный». На складе получил ватные штаны, телогрейку и щетку с металлической щетиной. Потом надо было подсунуть большую широкую доску под дно корабля, который возвышался на рельсах на берегу, залезть под самое днище и счистить этой щеткой ржавчину. Места там мало, даже нельзя руку полностью разогнуть, то есть лежишь спиной на голой доске, а в двадцати сантиметрах от тебя ржавое днище. Давить на щетку надо что есть сил. С днища всякая дрянь сыпется на грудь, живот, шею и лицо, а с моря дует ледяной ветер. Уже через десять минут из-за неудобной позы руки отваливаются, сам замерзаешь, а с лица течет пот, одновременно и жарко, и зябко. Самое гадкое в этой работе, что, как ни три днище, толку чуть. Ржавчина просто приобретает красивый кирпичный оттенок. Удовольствие сомнительное, да еще и обидное, потому что дрель с насадкой способна всё это сделать быстрее и качественней.

Однако у работы под кораблём были и плюсы: короткий рабочий день, внеочередная баня, и освобождение от работы в случае непогоды и высокой воды. Поэтому на третий день я привык, хотя и застудил спину.

Но на четвертый день командир всех перераспределил. Меня назначили в помощь сантехнику. В это время у «Учёного» работяги чертыхались – им надо было обучать новых подмастерьев. Я же получил резиновые сапоги, прорезиненные штаны и куртку. С сантехником мы полезли под старый дом. Согнувшись в три погибели, на корточках, по щиколотку в грязи ползали под заплесневелыми несущими балками дома. Там надо было отогревать водопровод и канализацию, из которых зимой не спустили воду, отчего их разорвало. Грели жуткого вида еле тёплыми ржавыми электрическими конфорками с закрытой спиралью. Процесс отогревания длился днями. Надо было ворочать мокрые и тяжёлые обрезки шпал, строить на них пирамиду из грязных кирпичей, чтобы подставить электроплитки под трубы. Мы этим занимались ещё три дня. Мне до сих пор иногда снятся эти блуждания в грязи на четвереньках.

Среди плюсов тоже были внеочередная баня и короткий рабочий день. Сантехник справедливо считал свой труд каторжным, поэтому, заменив пару труб и переставив нагреватели в другое место, шёл отдыхать, даровав мне свободу.

Но спустя три дня Костя снова всё переиграл, и меня бросили на постройку новой печи в «Теремке». А сантехник уже ругал нового помощника, под кораблём корячился следующий несчастный, а кладовщица ворчала, что каждый день приходится выдавать новую спецодежду новым людям.

Печь была разобрана на треть высоты: стопка кирпичей, дверца и её короб, а также чугунная плита с круглыми дырами лежали в стороне. Мне предстояло всё это сложить. Но не было хорошего цемента, хорошего песка, не было кирочки, не было огнеупорных кирпичей. Надо было использовать старый кирпич.

Биостанция тогда разваливалась на глазах. Снабжение, стройка, ремонт двигались по инерции и постепенно приходили в упадок. Пилорама фактически не работала, ничего не хватало. Создавалось впечатление, что руководство занимается исключительно воровством и саботажем.

Есть, что вспомнить из того времени. Например, наши девочки три дня белили комнату в Главном корпусе. После первого дня, когда белила высохла, всё отвалилось. На второй день сделали пожже, побелили – высохло, опять отвалилось. На третий день по рассказам очевидцев, сидит девушка на крыльце корпуса и ждёт.

Её спрашивают:

– Чего ждёшь?

– Третий раз побелили. Жду, когда высохнет и отвалится, – отвечает.

На четвёртый день выяснилось, что кладовщица вместо белил выдала фосфатную муку.

Полдня грузили на корабль в Голконде каменный уголь, привезли, потом полдня дня разгружали. Затопили им котельную – не горит. Оказалось, это не уголь, а кокс. Тот, кто договаривался о его покупке, никакой ответственности не понёс.

Поэтому не удивительно, что, когда я сложил печь в первый раз и мы её разожгли, она задымила, прогорела, и дым пошёл из всех щелей. Оказалось, мне вместо цемента выдали алебастр. Я всё-таки отыскал немного цемента, к которому надо было добавить глины для огнеупорности. Глину сказали нарыть на берегу. Нарыл, приготовил раствор, сложил печь, опять задымила. Изучили стыки между кирпичами, оказалось, что в литоральной глине куча органики. Вот она вся и выгорела.

В итоге в третий раз печь сложили, и она заработала. Щели в ней остались, но, когда прочистили дымоход, печь дымить перестала. Только осенью 2010 года её снесли напрочь, заделали дыры в потолке и в полу, и поставили электрические обогреватели. Чтобы жильцы там не мёрзли, заделали гипсокартоном половину окон и поделили «Теремок» пополам изнутри. При этом не подумали, что печь своей тягой вентилировала помещение. Всюду, где печи заменяли обогревателями, начинались проблемы с вентиляцией.

После печи меня перебрали помогать чинить балясину на крыльце дома на горе. Потом я начал работать в столярке: насаживал лопаты, топоры и молотки, точил и разводил ножовки, мастерил лавки для столовой и бани. Немного поработал на пилораме. Попутно приходилось дежурить в столовой. Тогда всех очень раздражали эти постоянные перестановки. Однако без них я бы не овладел очень многими полезными знаниями, умениями и навыками.

В общем, развеска досок по сравнению с прошлым опытом была не самой сложной и грязной работой. И я решил просверлить пробное отверстие в стене на первом этаже, чтобы не связываться со стремянкой. Ожидал, что с такой дрелью процесс пойдет быстро. В советские времена на биостанции всё строили из того материала, что смогли достать. Если везло, то он был хорошим, если нет, то плохим. Видимо бетон этой стены предназначался для бомбоубежищ, потому что за пять минут, даже включив режим перфорации, я продвинулся всего на пять миллиметров. При этом всё вокруг вибрировало так, будто я играл Баха на органе. Лишь через полчаса я получил первые две дыры. Потом стал прикидывать, как побыстрее приделать к стене брусочки для крепления досок, чтобы успеть при таких темпах закончить работу за неделю.

Тут слышались шаги целой толпы французов, что-то живо обсуждавших. Замыкавшая шествие пара узнала меня и остановилась, глядя, как я вожусь у стены. Я улыбнулся и поздоровался.

– Вы настоящий бурильщик (foreur)! – похвалил Пьер и похлопал по плечу.

– Вам дрель идет! – так промурлыкала Жанна, что я ощутил себя в начале фильма для взрослых Марка Дорсея.

Невольно вспомнил, что здесь есть неплохая баня. Много лет назад, ещё до того, как сгорела старая баня, приезжал немецкий стройотряд. Так вот, они парились в бане все вместе. Даже местные от этого были в шоке. Не предложить ли французам возродить старый обычай? Что может быть доверительней, чем степенная беседа за пивом в парилке? Чуть повиснет неловкая пауза – окунуться в ледяное море с причала, потом в парилку и снова болтать.

Мои мечты прервало появление Сары, ещё чуть томной ото сна. В узеньких (как она их только застегивает?) джинсиках и в такой тесной блузке, что все персонажи фильмов Дорсея сразу померкли. Она помахала ручкой, подошла поближе, оглядела мою спецовку, доски, дрель:

– Вы, оказывается, еще и бурильщик! Это так манифик!

Потом попыталась развернуться, как-то неожиданно зацепилась узкой ступней в сандалике за провод, пошатнулась и начала падать на меня. Мою правую руку оттягивала дрель,

поэтому, чтобы не упасть самому, я прижал её этой дрелью к себе, она ткнулась носиком мне в ямку у шеи. Пауза, пока падение не остановилось, и она обрела равновесие, показалась очень долгой.

– А вы интересней, чем я думала, – она встряхнула чёрной гривой и сверкнула глазами, – Устройте нам, пожалуйста, после обеда экскурсию. Давайте встретимся на пирсе около четырех.

Я смог только молча кивнуть, от радости у меня в горле встал ком. Она упорхнула вслед за своими, но ещё обернулась целых два раза.

До обеда я на радостях просверлил ещё шесть дыр, а потом отправился на поиски большой стремянки. Как и предупреждало руководство, начались сложности. Кладовщица мягко попеняла, что из-за моего бурения штукатурка сыпется с потолка. Где стремянка, не знала, нужных мне шурупов не нашла. Зато время от времени неясно улыбалась и маслянисто поблескивала глазками.

Стремянку в конце концов отыскал на хоздворе, приволок в корпус и спрятал между стеной и лавкой в актовом зале. Там меня и отловил директор, который уже был в курсе моих достижений. Рассказал ему про план подвески досок и про шурупы.

Он деловито покивал и дал небольшой ключ:

– Ясно. В кабинете завхоза есть черный шкафчик с НЗ, там найдешь любые шурупы. Если что, скажешь, что я разрешил. Потом занесёшь. Я отъеду, постарайся не терять времени. Иначе на очередной планёрке мне плешь из-за шума проедят, – улыбнулся и ушел.

Ровно в четыре переодетый, умытый, причесанный, с пакетом в руках я не торопясь прогуливался в виду пирса. Низкое солнце просвечивало в промежутки между узкими облаками цвета старого шифера. С моря дул прохладный сырой ветерок, и ветряк на мысу так и сверкал серебристыми лопастями.

Французы появились минут через десять. Сара была в куртке и цветастом павловопосадском шерстяном платке, как-то по-особому закрученном на голове.

Биостанция – это кучка строений, приютившихся на безымянном полуострове, недалеко вдающемся в море. Вдоль берега моря среди елей и сосен стоят пять десятков строений: Главный корпус – серое трехэтажное кирпичное здание, Лабораторный и Аквариальный корпуса, общежития, деревянные домики, пирс, несколько разношерстных корабликов, две яхты на берегу, катера, баржа. Вокруг тайга, болота, гнус и комары. Так что смотреть особо не на что. Но если ты всю жизнь наслаждался комфортом, на контрасте может быть интересно. Главное, чтобы не сожрала мошка.

Для начала мы по тупику Молодых Дарований (какая тонкая издевка!), то есть по главной улице, представлявшей собой отрезок грунтовой дороги, когда-то засыпанной гравием, прошли к пирамидальному основанию ветряка на мысу. Оттуда полюбовались на роскошную панораму моря, блесневшего с двух сторон.

Потом прошли через весь поселок: миновали столовую и общежития, взяли левее, мимо свалки и складов вышли на трассу – дорогу к Голконде вдоль ЛЭП. Когда-то она была вполне проходима, но при постройке новой ЛЭП в 2005 году её покорёжили тракторами. Она стала вся в рытвинах, ямах и обрезках изоляции. Тут стоял запах хвои и болота.

Прошли немного по трассе к тропинке, уходящей вверх, а по ней – до пригорка со старым кострищем, где стояло бревно, увенчанное резной деревянной головой с ехидным выражением. Это был идол – Новый Радикулит, водружённый лет двадцать пять назад какими-то трудолюбивыми шутниками. С этого места пролив между биостанцией и островом Медвежий был виден, как на ладони, даже просматривалась часть морского пути к Голконде. Тут всегда было ветрено. Французы оглядели окрестности, повосхищались, и я их поскорее увел, чтобы не продуло.

По пути я рассказывал о БС, начав с далеких 1930-х годов, когда университетским ученым пришла в голову идея основать в этих дебрях биостанцию для подготовки кадров для исследований на Севморпути. Мой французский был скуден, иногда я сбивался на английский, приходилось дополнять свою речь богатой жестикуляцией. Однако слушателями французы оказались благодарными и, как могли, помогали подбирать слова. Сара с Жанной шутили, смеялись и все время то отставали, то уходили вперед, а Пьер степенно шел рядом, кивал и с наслаждением попыхивал сигариллой.

Я предполагал, что БС основали именно на этом гиблом месте, исходя из двух соображений: оно не так далеко от железной дороги, но, в то же время, достаточно удалено от постоянного поселения. То есть туда не очень сложно добраться, влияние человека на природу и море минимально, а местным не так просто её разграбить. Иногда я задавал себе вопрос: почему было не начать изучение морской флоры и фауны, если уж так приспичило, не с холодного приполярного, а с Черного или, на худой конец, Азовского моря? Наверное, там, на Югах своих биостанций хватает.

То, что большинство построек на БС деревянные, – недостаток, они быстро ветшают. Скорее всего, это следствие безденежья, а может, особенностей самих биологов. Мне почему-то казалось, что у физиков станция была бы более благоустроена.

Это как разница между мужским и женским монастырями. Мужские отстраиваются быстро. Несколько лет – и там уже жизнь кипит, мусор убран, все општукатурено, на колокольне колокол в сто пудов, во дворе Лексусы с Рейнджроверами ставить некуда, а краеведческий музей со всеми экспонатами давно выселен. В женском же уже тридцать лет разруха, стены осыпаются, двор не мощеный, зато все усажено цветами и кабачками, а монашки у ворот посетителям котят раздают.

Ну да ладно. Я, как мог, перевел на французский названия улиц поселка Поморский, в котором официально располагается биостанция. Объяснил, что в Москве тоже есть шоссе Энтузиастов и Староконюшенная улица. Только московское шоссе заасфальтировано, не упирается в непонятные кусты и гораздо длиннее трехсот метров. Никогда не понимал, зачем нужны семь улиц поселку на пятнадцати гектарах на двести человек без постоянного населения.

Потому что постоянное население БС постигла трагическая судьба коренных жителей Тасмании. Оно вымерло. Роль аборигенов играл дед Нифакин – абсолютно седой дядька с окладистой бородой, обитавший до 2008 года в «Вороньей слободке». Он был очень угрюм и никогда ни с кем не разговаривал. Видимо, переживал за судьбу родины, оккупированной понаехавшими. Когда у него начались проблемы со здоровьем, колониальные власти согнали его с родных земель, как американцы семинолов, и переселили в Голконду, где он быстренько отправился, как говорят команчи, на белом каноэ в сторону заката.

Однако среди студентов существовала альтернативная конспирологическая теория, утверждавшая, что на самом деле он был спившимся обрусевшим летчиком американского бомбардировщика, сбитого во время холодной войны. Его якобы забыли или не захотели обменять на нашего разведчика. Дед ни с кем не разговаривал, чтобы не светить акцент, угрюм был из-за тоски по родной солнечной Оклахомщине или Алабамщине, а настоящая его фамилия была «Kneefucking».

Описав в итоге петлю, я привел всех к своей избушке с маленькими оконцами, заросшей мхом шиферной крышей и толстой кирпичной трубой.

Сара удивилась:

– У вас здесь есть даже старые ведьмы? Ведь это наверняка её жилище.

– Вы недалеко от истины, – подхватил я шутку и решительно углубился в кусты, что почти вплотную подступали к боковой двери, – Ныряйте, а то все пропустите.

Они с некоторой опаской последовали за мной. Буквально через несколько шагов мы уткнулись в огромный, высотой чуть меньше человека, валун.

– Сюрприз! – улыбнулся я.

Парень вынул изо рта сигариллу и присвистнул:

– Откуда здесь эта скала?

– От ледника, наверное, осталась десять тысяч лет назад.

Сара немедленно попыталась на него залезть. Я, как мог, подсадил, крепко ухватив сзади за узкие бедра. Она показалась легкой, как кошка. Пьер помог Жанне и вскарабкался следом. Для меня наверху места уже не осталось.

– Обратите внимание на ямку, – я ткнул веточкой в небольшое углубление на верхней пологой части камня, – Видите, тут от нее идут четыре желобка. Они сориентированы по сторонам света. Можете проверить.

Француз сразу вытащил мобильник и стал описывать им восьмерки, калибруя. Вскоре он уже что-то объяснял девушкам, тыкая в экран. Сара переводила взгляд с мобильного на камень, с камня на меня. Наконец все слезли и я, плеснув из бутылки, припрятанной в пакете, на валун, показал им главное. В косых лучах солнца на южной, почти плоской, мокрой стороне валуна проявились наскальные рисунки. Схематично нарисованные в профиль человечки на лыжах и без, олени (или лоси?), а в центре композиции – лодка с человечком на голову выше остальных, со стоящим членом. С кружком в одной руке и короткой, утолщенной с одного конца палкой в другой. Французы замерли с круглыми глазами, а потом одновременно потащили из карманов телефоны. Но было уже поздно. Вода подсохла, солнце село в тучу и картинка исчезла. Остался просто бугристый бок с пятнами лишайника.

И тут они заговорили все одновременно. Я едва понимал половину. Пьер хотел повторить, заснять петроглифы на телефон и сделать достоянием мировой научной общественности. Жанна предлагала немедленно звонить в ближайший музей. Сара всё повторяла «анкруябль» и хлопала ресницами.

Пришлось объяснить, что картинки я обнаружил случайно несколько лет назад, вырубая кусты с западной стороны от дома. Фотографии в музей послал, правда не указал, откуда они. О них лучше никому не говорить, потому что семь месяцев в году БС, по факту, почти не охраняется и валун могут вместе с петроглифами совершенно свободно распилить и увезти по зимнику. Прецеденты бывали. Это, конечно, не цветмет, но лучше не рисковать.

Читал, что в Литве ещё при Советской власти один архитектор свез к себе на участок подобные валуны со всей Литвы. Причем у каждого из них было собственное имя. Литовцы же были язычниками до XIV века, дубам и валунам поклонялись.

Потом, чтобы добить гостей окончательно, подвел их по очереди к своим подкопам, сделанным вокруг валуна. Для этого отодвинул как бы небрежно набросанные охапки хвороста. Сидя на корточках и подсвечивая телефоном, показал, что валун когда-то не лежал на земле, а стоял на трех камнях поменьше, как на ножках. Мои подкопы их как раз и обнаружили. Но со временем всё вросло в землю.

– Что же все это значит? – восхищенно спросила Сара.

– В лодке, скорее всего, изображен шаман с бубном. Думаю, это сейд – древнее святилище. Чувствуете, какая здесь энергетика бешеная? – и я прижался грудью к холодному валуну, распластав руки.

Французы опять что-то залопотали, а потом последовали моему примеру. Рядом, скользя по моей руке своей узкой горячей ладошкой, прильнула к камню Сара.

Через минуту я скомандовал отбой:

– Ну, почувствовали что-нибудь?

Гасконец промолчал, задумчиво отряхивая куртку.

– Как будто порыв ветра в грудь ударил, – призналась Жанна.

– Как-то не по себе стало, – пожаловалась брюнетка.

В ее глазищах, казалось, застыл немой вопрос: «Сколько же еще талантов скрывается в этом скромном симпатичном блондине?» Я постепенно набирал очки.

Стало темнеть, и мы прошли мимо ветряка на пляж. По дороге обсудили и станцию, и море, и сейд. На пляже я разделся, сложив одежду на лавочке рядом с компанией, и в чѐм мать родила стал медленно заходить в воду, стараясь не наступать в потемках на камни. Девушки подошли поближе, попробовали руками воду. Жанна стала подтрунивать, Сара всерьез забеспокоилась.

Вода была ледяная, градусов семь-восемь, но ноги, как когда-то давно, не сводило. Может потому, что я купался почти каждый день, а может организм с годами изменился. Тем не менее, каждый шаг давался с трудом. Вот вода дошла до коленей, вот до пояса, еще чуть-чуть, и будет по грудь. Я боролся со врожденным страхом перед холодом и мраком, уготованными приполярными морями любому ночному пловцу. Но вот, наконец, бросился вперед и поплыл, стараясь не мочить голову. Все заплодировали. Через пару минут я уже прыгал по берегу, обтираясь полотенцем.

Кто-то мне рассказывал, насколько полезная это вещь – скрытый тест на шизофрению. Показывают тебе картинку, задают безобидный вопрос или загадывают загадку типа «Что зимой и летом одним цветом?». И если ты даѐшь искренний, но неожиданный ответ, например, «Кровища!», психиатры из комиссии понимающе переглядываются и делают знак санитарам, держащим смирительную рубашку.

Так и я проверял девушек на шибанутость, чтобы не тратить зря время на ухаживания, купаясь перед ними голый и наблюдая за реакцией. Помню, одна аспирантка-японка, не известно, каким ветром сюда занесенная, после этого резко прекратила со мной всякое общение, позже посетовав знакомым: «Никагыда есѐ меня така не осакобалили!» Да, нудистка из неѐ получилась бы не ахти. Что называется, не сработались. А я-то уже раскатал губы и вознамерился проверить записки Антона Павловича о поездке на Сахалин в натуре! Но ничего, зато сколько времени сэкономил!

Так что аплодисменты мне польстили. Сара коснулась кубиков моего пресса и тут же отдернула руку:

– Ты холодный, как лягушка! У тебя даже пар изо рта не идет!

Я ухмыльнулся:

– Пузо холодное, зато сердце горячее.

Потом мы сидели на скамейке и болтали о моей халтурке.

– Что вы с таким усердием собираетесь развесить на стенах? – спросила Жанна.

– Доски со списками участников стройотрядов, – я не знал, как перевести слово, поэтому сказал «стротради», – В СССР работники из «стротради» построили всё на биостанции. У них была традиция – каждая группа делала свою доску. Сперва просто писали фамилии. Потом начали рисовать на досках карикатуры и писать крылатые выражения и шутки.

– И где теперь эти «стротради»? – спросила Сара.

– Их с 1996 года больше нет, я был в последнем, как могиканин.

– Почему эти доски так важны? Почему бы не хранить их на складе? Почему вы с таким трудом и шумом, и совершенно один развешиваете их? – удивлялась Жанна.

– Это память. Это традиция. Есть люди, для которых это как иконы.

При слове иконы Жанна неожиданно поѐжилась, а Сара насторожилась:

– «Стротради» – это религиозный орден, как тамплиеры?

– Нет. Во времена СССР на биостанции работали обычные рабочие, обычные учёные занимались наукой, как и сейчас. А «стротради» набирали студентов и аспирантов, и они ехали во время каникул работать на стройки по всей стране, зарабатывать деньги ну и ради общения.

Французы продолжали молча ждать.

– Извините за мой французский, объясню еще раз. «Стротради» были похожи на израильский кибуц или коммуну. Только в коммуне люди живут, а в «стротради» люди приезжают на пару месяцев. Их члены – почти коммунары, – я упростил объяснение, как мог, и меня поняли.

Французы облегченно засмеялись и стали обсуждать, как можно было доски сравнить с иконами. Сам я расстроился из-за языкового барьера. Потом проводил их до столовой, а на прощание Сара поцеловала меня в щеку. На мгновение я ощутил нашу близость, как горячо и ароматно её тело, как тонко пахнут духи. Показалось, что мы знакомы давным-давно. Потом осознал, что она обращалась ко мне на «ты». Дала понять, что я вхожу в круг её друзей. Пусть она сказала это на эмоциях, но я был окрылён.

Почему же я в детстве увлекся французским? Он ведь гораздо сложнее английского. Может, из-за звучания? Наверное, половина того ошеломляющего впечатления, которое производит на иностранцев французская культура, приходится на язык. Интересно, если бы в Париже говорили на кхонг или убыхском, ехали бы туда туристы со всего света? Почему-то кажется, что ажиотажа было бы поменьше.

В школе французский преподавала такая красавица, что я боялся на неё смотреть. Даже забыл, как она выглядела. Помню только ощущение тепла, восторга, желания и недоступности. Тогда она казалась взрослой, но на самом деле была молода и неопытна. Выпускница педвуза двадцати двух лет, девушка из интеллигентной семьи. Что она понимала в любви? Не больше, чем я в двенадцать. Я так хотел, чтобы она подошла, обдала волной какого-то своего необычного запаха, погладила по голове. И в исступлении учил все формы глаголов, все времена, только бы она похвалила. И я не был настолько глуп, чтобы не понимать, что мои чувства обречены. Двенадцать и двадцать два, такое бывает только в книгах или эротических фильмах. Хотя вот у Макрона прокатило.

Иногда я пытаюсь заговорить с ней через десятилетия. Признаюсь в любви девушке, которой больше никогда не увижу, на языке, которого толком не знаю.

4.Среда

В среду меня поднял гонг. Восемь часов, завтрак. Едва пошевелившись, понял, что сегодня нужно работать по минимуму. Завтра-послезавтра мышцы перестанут болеть, и я смогу бурить вовсю, но сегодня руки дрожат, как у алкоголика. Хотя чем я отличаюсь от алкоголика? Только тем, что не алкоголик. Я слышал, что длительная работа с вибрирующим инструментом сильно ухудшает мелкую моторику, но наблюдал это впервые. Брал стопку, а она тряслась в ладони. Так что выпил её с трудом, чуть не расплескав. Что поделать, обожаю запах спирта по утрам. Для меня это запах победы (шутка).

Решил сходить в столовую, хотя есть не хотелось. Однако в обществе у очень многих вещей и явлений масса дополнительных функций, помимо главных. Вот и совместная трапеза – это и источник удовольствия, и часть культуры, и отличное средство невербальной коммуникации, да и вербальной тоже.

На завтрак давали яичницу – редкое счастье. Кусочек-два сыра, кусок хлеба с маслом и сколько угодно какао. Однако я взял только стакан пустого чая. Когда девочка на раздаче не улыбнулась мне в ответ, я огляделся. Девочка была незнакомая, и я решил проверить, всем ли она накладывает с таким суровым лицом. Нет, парню за мной она показала ряд здоровых, хотя и неровных зубов. Что так? Я выбрал самый далёкий столик в углу у окна, поставил стакан, сел спиной к залу и закрыл глаза.

Хорошо, когда люди считают, что раз ты сидишь к ним спиной, то не слушаешь. А еще хорошо иметь чуткий слух. Сначала слышалось лишь чавканье. Но потом началось.

– Я за добавкой, – простуженный баритон даёт петуха.

– Добавка без десяти, – женский высокий голос.

– Наложите, – женский ниже с повелительными нотками, – Это водолаз. Их везут на острова.

Ага, женский высокий – это мисс кривоzubая на раздаче. Женский повелительный – главная смены. Водолаз на станции свой человек. Слушаем.

– Спасибо, Маринка, – благодарит простуженный.

– На здоровье, – отзывается начальница.

– Что за грохот вчера был?

– Слонок стены бурит, – пищит кривоzubая.

– Затрахал, – ворчит начальница, – я выспаться не могла.

– Эти дыры в стенах его? На хера? – у водолаза прорезалась бравада.

Неужели клеит одну из них? Кто ему ответит?

– Это – полный пипец! – согласилась кривоzubая.

Ага, похоже, кривоzubая и водолаз.

– Без мата! – цыкнул повелительный женский.

Ревнует? Я чуть обернулся. Ага, начальница Маринка в поварском халате, короткая стрижка, сутулый худой парнишка – водолаз, ну и кривоzubая.

– Марин, а зачем он бурит? – на этот раз потише.

– Доски какие-то вешает. Ему директор «отсканируйте и выложите на сайт», а он «это честь стройотрядов». Как посмотрит директор на эти дыры, так у него лицо вытягивается, весь день кислый ходит. Совсем чувство такта потерял. Директор такой вежливый, стесняется запретить, но всем видом показывает – не надо вешать доски, стены портить. Все видят, а он не видит. Какие там были красивые пустые стены, а сейчас чёрт знает что. И директор, как назло, уехал. Пожаловаться некому.

– Ну, это ради чести, – неуверенно отозвалась кривоzubая.

– Дура.

Да, и у стен на биостанции есть уши. Я невольно вспомнил эпизод из далекого прошлого, достойный пошлой молодежной комедии.

В 97-м я приехал на биостанцию в конце июня, перед экзаменами в институт, и обнаружил ряд неприятных изменений. Энергоснабжение, нарушенное в 95-м, стало еще хуже. Дизель-генератор и ветряк были маломощны и свет давали всего на несколько часов в день. Народ, чтобы не сидеть в холодных домиках при керосинках, после ужина вылезал на берег возле пляжа и грелся у костров.

Ни одного строяка, с работой плохо. Местные знакомые ходили злые и занимали деньги друг у друга. На биостанции были учёные, были преподаватели, были студенты, были местные рабочие и были мы – приبلудные. И была столовая, где работал разный народ, в основном из больших городов. И вот мне с трудом удалось устроиться разнорабочим за сущие гроши. Я таскал тяжести, чинил крыши, а также помогал на кухне: колол дрова, мыл кастрюли в ледяной воде.

Большинство поварих или поварёшек, как их любя называли, учились в вузе, которому принадлежала биостанция, но не все. Одной из них была Нинка, выпускница какого-то областного физкультурного института. Лыжница, физически развитая, чуть мужиковатая, чуть вульгарная. Она периодически бросала такие грязные словечки, каким я научился только годам к тридцати. Голубоглазая, высокая, крикливая блондинка, совсем не в моём тогдашнем вкусе. Мне было семнадцать, а ей двадцать четыре. Казалась она мне взрослой тёткой. По всем законам жанра мы не должны были заметить друг друга.

Однако она меня заметила, запомнила и невзлюбила. Да еще и наградила дурацкой кличкой, от которой не избавился до сих пор. Хуже всего, что она руководила одной из смен.

– Слонку добавки не давать, он свою норму уже сожрал! – командовала она, только заведя мою скромную персону в столовой.

И я не получал добавки.

– Меньше Слонку кладите, дармоеду! – приказывала она девочкам на раздаче.

И мне клали еды меньше всех.

– Гоните Слонка в шею, ещё стащит чего! – кричала она, пока я мирно болтал с кем-нибудь на крыльце столовой.

И я вжимал голову в плечи.

К счастью, в столовой были две смены, день через день, враждовавшие друг с другом. Поэтому другая смена в пик Нинке клала мне двойную порцию, и я отъедался.

Нинка была компанейской, поэтому взрослый контингент биостанции – студенты старших курсов, аспиранты и молодые преподаватели – её любил. А те, кто не любил, предпочитали не ссориться, потому что она была остра на язык, и никому не хотелось оказаться на моём месте. В итоге даже вне столовой мне приходилось терпеть её нападки. Всюду она меня дразнила, наезжала и критиковала мой внешний вид. И если замечала у кого-то симпатию ко мне, то бесцеремонно орала:

– Вам что, Слонок нравится? Да он же обормот, каких поискать!

И повисала неловкая пауза...

Я к этому, правда, быстро привык, понимая, что, как я проверял девушек, купаясь при них голым, так и девушки нередко подкалывают или задают мудреные вопросы заинтересовавшим их молодым людям. Очень похоже на то, как в чань-буддийских монастырях наставники испытывали послушников коанами и внимательно следили за их реакцией. Сейчас издаются целые книги таких вопросов и ответов. Эти вот девичьи коаны я часто наблюдал на танцах и вечеринках.

Тем не менее её наезды не добавляли радости моему и так непростому существованию. Она меня раздражала. Со временем я догадался о причинах её антипатии. Зеркало оказывало очевидное сходство между нами. У нас были голубые глаза, светлые волосы, крупные прямые носы, квадратные лица, широко поставленные глаза. В нашей вражде было что-то родственное, как у брата и сестры.

В семнадцать лет квадратность ещё не придавала моему лицу мужественности, глаза без мешков и морщинок смотрелись по-детски, а волосы были как у куклы. В девичьем наряде я был бы красивей Нинки. Я был утончённее, интеллигентнее, грациознее. Мой юношеский голос был мелодичнее её хриплого. Её, наверное, бесила моя юношеская свежесть. А меня коробило от того, что, будь мужчиной, Нинка была бы красивее, сильнее и мужественнее. Я мечтал иметь первый разряд по лыжам, который был у неё. Я хотел бы пить помногу и не пьянеть, как она. Я не умел готовить, а Нинка готовила потрясающе.

Как-то по пьяни я изложил эти соображения приятелю из Чулакши, что был лет на восемь постарше, и подытожил:

– Хорошо, что она наезжает только на словах. Ударь эта сука меня хоть раз, я бы дал сдачи.

– Да Нинка уложит тебя одной левой, – заржал тот.

А ведь и правда, уложила бы наверняка. На биостанции меня не любили многие. Как-то я не сдержался и подрался с поддатым трактористом. Но если бы так поступал с каждым наезжающим, меня бы выгнали со станции к чёрту. Нинка была женщиной. Поэтому, несмотря на хмельной задор, я бы ни за что не ударил её, и не посмел бы дать сдачи.

– Тогда поговорю, как мужчина. Спрошу, хули прикопалась, – продолжал я.

– Трахнуть тебе её надо, вот и весь разговор, – все ещё смеясь, ответил он.

– Нет. Могут аморалку пришить, а то и похуже. Лучше поговорить.

– Ты ее сначала трахни, а трепаться потом будешь. Она же баба. У нее сейчас никого нет. Мне не дала, Васька её еще в том году отшил. Вот и бесится. Завидует она тебе, как же! Бабы только другим бабам завидуют. Короче, – тут он перестал смеяться и понизил голос, – ты же видишь, она каждый вечер у костров тусит. Подожди, пока как следует наберется, отведи в сторону и прижми. Смолчит – действуй дальше. А крик поднимет, так она всегда на тебя орет, никто не удивится. И потом – тебе семнадцать, ей двадцать четыре, на полголовы выше. Такую хрен изнасилуешь. Если что, отмажешься, мол, сама совратила. Главное, резинку не забудь. Как в таких случаях говорят: «Или грудь в крестах или рояль в кустах!»

Вот тут я впервые по-настоящему и задумался о ненормальности наших с ней отношений. И чем дольше думал, тем быстрее улетучивался хмель из моей буйной головы. Все-таки сексуального опыта у меня тогда было – кот заплакал, а сомнений и переживаний по поводу прекрасного пола – будто слон опростался.

В ближайшую пятницу после ужина на вечерних посиделках я устроился невдалеке от костра старшекурсников, возле которого пила, пела и задорно хохотала Нинка. Слушал бородатые анекдоты, пел «Бригантину» и другие костровые песни, махнул пару стаканов портвейна, закусывая поджаренным на костре хлебом с салом.

Вот уже одиннадцать, ребята понемногу расходятся, ее вопли стали потише. Я неприужденно подошел и сел поодаль, заговорил с бородатым гитаристом, что все пытался сбавить «Бэса мэ мучо». Нинка старалась подпевать. Получалось плохо. Она искоса поглядела на меня, но ничего не сказала. Потом стала рассказывать, как чуть не заблудилась во время лыжного марафона, но ее уже никто не слушал. Посидела еще минут пять, встала и отправилась, пошатываясь, куда-то прямо сквозь кусты, в сторону Главного корпуса. Я понял, что мой час настал. И пошел в другую сторону, но, выйдя из зоны видимости, резко свернул, надел очки и принялся ее искать.

Наткнулся я на неё буквально через минуту. Она сидела на корточках в укромном местечке под ёлкой. Слышалось тихое журчание. Я замер за деревом, снял очки. И тут на меня снова навалились сомнения. Смогу ли справиться с этой сильной, самоуверенной кобылой? Не приключится ли в итоге какой-нибудь громкий омерзительный скандал? Но вот она встала, подтянула джинсы и не торопясь направилась к «Вороньей слободке», где жили поварахи. Что ж, был лишь один способ всё выяснить. Я быстро нагнал ее и со словами «Нина, дорогая, давно хотел с вами объясниться» взял за левую руку. Она резко обернулась и сначала попыталась отстраниться. Но я обнял ее за талию другой рукой и как мог ласково заглянул в лицо. В темноте я видел только блеск в её глазах.

– А, это ты! Чего надо? – хрипло спросила она.

– Хочу расставить все точки над «ё», – и притянул к себе, замирая от собственной наглости, – Нам надо поговорить.

Как ни странно, она не сопротивлялась, только усмехнулась:

– О чем же, чудо в перьях?

– Хочу тебя, – ответил я как можно более низким и чувственным голосом и впился губами в ее большой рот. Что было не так-то просто, учитывая разницу в росте. Она неожиданно ответила и даже сунула мне свой язык. Сразу почувствовался кислый табачный привкус. Я положил ей руку на бедро и придавил к дереву. А она обвила руками шею и выгнулась, прижавшись небольшой твердой грудью. Скоро мы опустились на землю, густо покрытую хвоей и какими-то колкими веточками, я быстро расстелил свой ватник и принялся стягивать с нее джинсы. Следующие полчаса мы, вопреки продекларированным мною намерениям, почти не разговаривали. Как сейчас помню, комары жрали мою голую потную задницу немилосердно. Нинка стонала и металась подо мной, как раненый зверь.

На выходные она куда-то уехала, мы еще несколько раз встречались, потом я отправился сдавать экзамены. В следующем году попытался возобновить отношения, но с её стороны энту-

зиязма не встретил. Может оно и к лучшему. Она продолжала надо мной подтрунивать, но значительно реже и мягче. Добавки уже не лишала. И когда в очередной раз полушутя кричала: «Гоните эту буратину к свиньям собачьим!», я немного виновато и снисходительно улыбался. Ребята поглядывали то на неё, то на меня и начинали догадываться относительно нашего прошлого. Ну а девушки опускали глаза, чтобы потом украдкой снова взглянуть на мое симпатичное лицо начинающего викинга.

Последний раз я видел ее на биостанции лет десять назад.

В общем, и после завтрака ощущался какой-то пассивный остракизм. Знакомые не здоровались. Друзья отводили глаза и сворачивали с пути, лишь бы не оказаться в неловком положении, когда я обращаюсь к ним, а они вынуждены отвечать. Только незнакомые люди вели себя, как ни в чём не бывало, и потому казались приветливыми. В ситуации такого откровенного бойкота я оказался впервые. Лучше было даже, когда много лет назад тогдашний директор решил меня изгнать. Но тогда я был моден, а директор непопулярен. Поэтому со мной, фрондируя, продолжали общаться, помогали и прятали, так что я обитал на биостанции нелегально, как подпольщик. Нынешнего директора, напротив, все любят. Поэтому человек, который, по мнению общественности, директора расстраивает, становится неприкасаемым.

Несколько огорченный таким репримандом, отправился в столярку. Подходил срок готовности моих брусков или реек. У нас ведь никогда заранее нельзя знать, что получится. Как и предполагал, плотник сделал их меньше, сами бруски тоньше, уже и короче. Но он мог все объяснить. Досок для распиловки не хватило. Да, было много, но часть оказалась ошибочно отобранной. Остались некондиционные обрезки. Уже и тоньше, потому что рубанок тупой.

– Не могли бы вы переделать? – предложил я из чистого злорадства, – Я найду правильные, раз на складе всё перепутано. Они могут быть среди других размеров.

Было интересно, как он будет выкручиваться.

– Нет-нет, бери, что есть, – замахал работяга корявыми руками, – Я болею, зашёл только проверить, всё ли заперто и обесточено.

Я почуял запах перегара и чеснока и понял причину таинственного недуга. Артисты они все. Пойду-ка, а то и вправду от огорчения запьёт, заболеет и умрёт. Я погрузил штабель реек-брусков на тележку и повёз прочь. В корпусе я перетащил все в пустую лабораторию под замок, где прятал и дрель. Затем сходил за шурупами и выгреб из черного шкафчика все более – менее подходящие.

Пока игнорируют, сверлить проще. Я выволок из актового зала стремянку и установил на ступеньках лестницы со второго на третий этаж, где над лестницей было большое пространство. Стремянка покачивалась, поэтому пришлось привязать её к перилам. Чувствуя себя эквилибристом, двумя руками держа бур и провод, взобрался на несколько ступенек, приставил бур к стене и принялся сверлить. В просторном холле рокот разлетался и усиливался эхом. На стремянке не было толком упора, поэтому дыра углублялась медленней, зато оказалось, что я меньше устаю. После первой я слез, отвязал, переставил и снова привязал стремянку на пару ступенек вверх, забрался и продолжил.

Всеобщее осуждение неожиданно сыграло на руку. Обычно мою дополнительную работу прерывают вопросами об основной. Когда у людей пропадает интернет или ломается ноутбук, они идут ко мне. По совести, я не могу им отказать и вынужден был бы прерываться. Однако при всеобщем неодобрении никто не решался просить о помощи. И я сверлил до самого вечера. После обеда мимо прошла знакомая троица, и Сара с сожалением сообщила, что собирается готовиться к завтрашнему докладу на конференции. А под вечер неожиданно появился Пьер и попросил помочь с компьютером. Сам он куда-то торопился, рассказал, где комната девушек, и помчался дальше.

Я немедленно убрал своё барахло, отряхнулся и пошёл в «Верону». Это зимнее студенческое общежитие с печным отоплением, причем топки печей выходят в общий коридор на первом этаже. Там в холодные дни жизнь кипит с утра до вечера – все топят печи, чтобы обогреть комнаты, каждая на несколько человек. В тёплые дни оживление наступает к вечеру, потому что топят только на ночь. Когда приезжает много народу, на первом этаже селят девушек, а ребят – в двух залах на втором, каждая коек на двадцать. Они холодные, потому что обогреваются только трубами от печей. Когда народу на биостанции поменьше, второй этаж необитаем, и его используют для посиделок.

Я стал стучаться в комнаты, заглядывал и извинялся. И вот в бывшем медпункте наконец обнаружил Жанну на кровати у окна и Сару за столом. На ней были чёрные лосины и белая блузка. Увидев меня, улыбнулась. Скоро я уже был рядом, разбираясь с ее ноутбуком. От запаха копны её распущенных волос, от аромата духов, от тепла молодого тела кружилась голова, и я с трудом соображал, что делаю. В конце концов понял, что глючит тачпад. Сбегал в серверную за рабочей мышью на проводе, заодно проверив, все ли там в порядке, подключил и привел ноутбук в рабочее состояние. «Адъё» она мне сказала с явным сожалением.

Дома я прибрался, истопил печь, попутно сжег весь мусор, поменял постель, помыл окна, подмел, протер плафон на лампе. Потом осторожно разлил по стограммовым стеклянным бутылочкам спирт, убрал лишнюю стеклотару в ящик под стол, спрятал флягу с остатками спирта и бутылочки за шкафчик и пораньше лег.

Сон не шел, и я стал вспоминать события последних дней, думать о Саре. Чем дольше я общался с ней, тем сильнее страсть разъедала мне сердце. Был готов на всё, только бы она ответила взаимностью. Чтобы её добиться, нужно быть понастойчивей. Я не сомневался, что всё получится, но разработке перспективного плана развития наших отношений мешал накопленный опыт. У нас ведь нет смысла планировать, всё всегда происходит «медленно и неправильно, дабы не загордился человек».

Я представил точёную фигурку француженки, её лицо. Она смеялась и что-то говорила. Как-то сами собой стали складываться стихи. Пока не исчезло вдохновение, стал записывать. К трём часам (всё-таки впервые творил на французском!) они были готовы. Строчки, может быть, немного нескладные, были полны любви. Обрадуют ли они Сару так, как меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.